

Научная статья
 Научная специальность
 5.1.4 «Уголовно-правовые науки»

УДК 343.85
 DOI <https://doi.org/10.26516/2071-8136.2025.1.109>

ЛИЧНОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПРЕСТУПНИКА В КРИМИНОЛОГИИ ПОСТМОДЕРНА

© **Сутурин М. А., 2025**

Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Россия
 Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия, г. Иркутск, Россия

Рассматриваются дискуссионные вопросы, связанные с пониманием категории «личность преступника» в классической криминологии и криминологии постмодерна (неокриминологии). Особое внимание уделяется оценке личности несовершеннолетнего преступника, ее особенностям и закономерностям формирования. Делается вывод, что среднестатистический портрет личности несовершеннолетнего, совершившего преступление, не претерпевает каких-либо серьезных изменений на протяжении уже многих лет.

Ключевые слова: неокриминология, постмодерн, несовершеннолетний, личность преступника, уголовная политика.

THE IDENTITY OF A JUVENILE DELINQUENT IN POSTMODERN CRIMINOLOGY

© **Suturin M. A., 2025**

Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation
 East Siberian Branch of the Russian State University of Justice, Irkutsk, Russian Federation

The article discusses controversial issues related to the understanding of the category of “criminal personality” in classical criminology and “postmodern” criminology (neocriminology). Special attention is paid to the assessment of the personality of a juvenile offender, its features and patterns of formation. Having considered the traditional basic criteria of criminological analysis of the personality of a minor who has committed a crime, the conclusion is presented that his “average portrait” has not undergone any major changes for many years.

Keywords: neocriminology, postmodernity, juvenile delinquency, criminal policy.

Личность – общество – государство. Данный триумвират неоспоримо является приоритетом в формировании и реализации политики Российского государства, с допустимым переносом внимания на ту или иную его (триумвирата) составляющую, исходя из объективно складывающихся особенностей геополитического, социально-экономического, исторического характера в тот или иной период времени.

Политика социального государства, которым на уровне Конституции¹ признает себя Российская Федерация, должна быть направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека.

Одним из важнейших направлений в реализации политики социального государства является политика в сфере обеспечения безопасно-

сти личности – общества – государства. В свою очередь, это направление также многоаспектно, поскольку безопасность как весьма пространная и подчас оценочная категория может рассматриваться на разных уровнях и в разных сферах. Например, на национальном и наднациональном уровнях. Или можно выделить экономическую, продовольственную безопасность, безопасность общественную, групповую и безопасность конкретного человека (личности).

В рамки политики в сфере обеспечения безопасности имманентно встроена политика государства и общества по борьбе с преступностью², необходимым составным элементом которой выступает уголовная политика. Не вдаваясь в

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г.) // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/

² Здесь мы не ставим задачей рассмотреть дискуссионные вопросы терминологического характера в понимании того, что рассматривать в качестве «борьбы с преступностью», «предупреждения преступности», «противодействия преступности», «превенции преступности» и т. п., поскольку эти вопросы достаточно подробно проанализированы в трудах отечественных криминологов [1, с. 186; 3, с. 147].

определенном смысле в теоретические рассуждения, отметим следующее. **Уголовная политика** – это составная часть политики государства в сфере борьбы с преступностью, в которой определены стратегия, основные задачи, формы и методы контроля за преступностью. Она должна выражать интересы граждан России и обеспечивать защиту их прав и свобод. Одновременно эта политика должна быть направлена на обеспечение интересов общества и государства.

Применительно к категории «несовершеннолетние, совершившие преступление» необходимо вести речь о наличии достаточно серьезной специфики в реализации в отношении них всех составляющих уголовной политики. И представляется догматичным тезис о том, что, несмотря на значимость учета специфики количественных и качественных характеристик, а также специфики причин и условий преступности несовершеннолетних, в центре внимания должна стоять личность носителя преступного поведения – личность несовершеннолетнего преступника.

Необходимо отметить, что категории «личность преступника», «личность лица, совершившего преступление», «преступник» на протяжении многих десятков, а то и сотен лет являются одними из самых дискуссионных не только в криминологической доктрине [11; 2; 7; 12; 13; 1; 9; 19; 15; 16]. О них рассуждают специалисты в области уголовного права и криминалистики, социологии и девиантологии, педагогики и психологии. И это вполне объяснимо. Поскольку, во-первых, каждая отрасль научного знания смотрит на эти категории с точки зрения своего предмета, возможного метода и целеполагания. Во-вторых, представляется объективно невозможным дать четкое определение указанным категориям, определить их, например, временные и социально-статусные границы.

И сегодня в криминологической литературе можно встретить отличные от классических, устоявшихся в доктрине, точки зрения на категорию «личность преступника».

В частности, Д. А. Корецкий весьма критично высказывается о том, что в рамках изучения рассматриваемой категории «теоретические заключения исследователей не корреспондируют с представлениями о самих лицах, совершающих преступления» [8, с.4]. Продолжая свою мысль, автор отмечает, что «иными словами, учение (или учения) о личности преступника отражает представление “чистых” теоретиков о предмете исследования либо мнение практических работ-

ников полиции, следственных органов и ФСИН о лицах, с которыми им приходится иметь дело по службе. При этом ученые в большинстве своем не знают практических сторон проблемы не только в мире, но и в нашей стране» [8, с. 4]. Автор, подвергая критике устоявшиеся теоретические (но тем не менее имеющие прикладное значение) алгоритмы в изучении личности преступника, говоря о том, что результаты изучения общих для всех *homo sapiens* признаков (пол, возраст, образование, место работы, тип темперамента и т. п.), несомненно, представляют интерес для криминологии, высказывает позицию относительно вторичности этих результатов. Поскольку названные признаки сами по себе не обуславливают совершения преступлений и не приводят в действие механизм преступного поведения [8, с. 5].

В определенной степени, пожалуй, можно согласиться с некоторыми умозаключениями Д. А. Корецкого по рассматриваемой проблематике. Действительно, мы разделяем его позицию, например, относительно того, что во многом проблемы, возникающие при изучении личности преступника, вызваны полным отторжением в свое время биологической составляющей человека: «личность изучается не как некий индивид, якобы обладающий определёнными задатками и предрасположенностью к совершению преступлений, не как комплекс физиологических и психологических качеств, являющихся “внутренними причинами преступности”, якобы присущими человеку, а как член общества, живущий в обществе, среди людей...» [10, с. 133–134]. И, хотя сейчас криминогенное воздействие биологических свойств личности признается в качестве возможного условия преступления, делается это достаточно осторожно и с искусственными ограничениями [8, с. 7].

Тем не менее представляется, что в подобном роде аргументированных рассуждениях, связанных с актуализацией известных проблемных вопросов, ретушируются устоявшиеся, традиционные основы классической отечественной криминологии.

Представители доктринального сообщества, в зависимости от «отраслевой принадлежности», разрабатывают различные подходы, концепции, направления и школы научного знания, имеющие своим предметом бесчисленное разнообразие спектров человеческого индивидуального, группового и массового поведения.

Прикладное значение научных разработок, помимо прочего, выражается и в том, чтобы

выработать научно обоснованные рекомендации, предложить конкретные «инструменты», которые с большей степенью эффективности позволят в том числе регулировать/охранять общественные отношения, принятые в том или ином социуме в качестве нормы или идеала.

Криминология как самостоятельная отрасль научного знания существует не более двух веков. Вполне закономерным является наличие в рамках криминологической доктрины достаточно большого числа школ и направлений. В рамках изучения одного из базовых элементов криминологии – личности преступника¹ также есть множество концептуальных и не очень подходов. Результаты некоторых из них не выдержали проверку временем, не получили эмпирического подтверждения, в связи с, например, сугубо «кабинетным» форматом исследования; с не совсем верным определением объекта, предмета и цели исследования; недолжной методологической составляющей и т. д.

Однако подавляющим большинством представителей отечественной криминологической школы криминология рассматривается как наука общетеоретическая. И в частности, как и практически любая общетеоретическая наука, криминология изучает определенные закономерности. Закономерности, связанные с элементами ее (криминологии) предмета. И это в полной мере относится к закономерностям формирования личности преступника. Закономерностям, которые, возможно, не видны на уровне индивидуальном или групповом. Но на уровне массовом (а криминология в определенной степени «работает» с массовидными явлениями) эти закономерности уже достаточно давно определены. И именно их определение позволяет выстраивать определенные криминологические прогнозы и на их основе разрабатывать, апробировать и предлагать социуму (в широком его понимании) меры по снижению (не исключению) риска совершения преступлений как первичных, так и рецидивных.

При этом мы еще раз подчеркнем, что те вопросы, которые актуализируются в работах уважаемых коллег, несомненно, требуют внимания и возможного (с точки зрения наличия методологического, апробированного «инструментария») разрешения. В частности, позволим себе

¹ Здесь мы не ставим задачей рассмотреть дискуссионные вопросы терминологического характера, касающиеся категорий «личность преступника», «личность лица, совершившего преступление» и т. п., поскольку эти вопросы достаточно подробно проанализированы в трудах зарубежных и отечественных специалистов в области криминологии.

согласиться с мнением Д. А. Корецкого, что и сегодня биологические свойства личности не учитываются надлежащим образом при изучении детерминант преступного поведения [8, с. 19].

Обозначив, на наш взгляд, некоторые актуальные в рамках настоящей работы «базовые» вопросы, перейдем к рассмотрению непосредственных проблем заявленной тематики.

На протяжении уже длительного (не назовем его «последнего») времени в отечественной и зарубежной доктрине позиционируется возникновение и наличие криминологии постмодерна (неокриминологии).

Пожалуй, один из самых ярких и последовательных представителей данного направления отечественной криминологической школы, профессор Я. И. Гишинский, определяет неокриминологию как современное учение о «преступности», которой не существует в природе, онтологически. Точнее как науку о том, что именно государство здесь и сейчас решило считать «преступным» (включив в уголовный закон) [5, с. 8]. При этом, говоря о неокриминологии, Я. И. Гишинский отмечает, что речь идет не о создании новой науки, а о новых концептуальных идеях, связанных с очередным этапом развития криминологии как социальной науки. Новейшие подходы к девиантности в целом и конкретно к преступности приводят к качественному пересмотру многих традиционных представлений. В частности, преступления и преступность рассматриваются как социальные конструкты, продукт волеизъявления конкретной власти (режима). Криминогенные факторы оказываются обстоятельствами (экономическими, политическими, культуральными, личностными), влияющими вообще на любые (не только преступные) виды поведения людей [6, с. 76].

Представителями криминологии постмодерна (неокриминологии) высказывается достаточно много интересных, обладающих определенной степенью оригинальности идей. Идей, в том числе касающихся и такой базовой криминологической категории, как «личность преступника». Например, говоря о предмете неокриминологии, отмечается, что он (предмет) в значительной степени повторяет предмет традиционной криминологии, но с некоторыми уточнениями [5, с. 9]. В частности, в предмет неокриминологии включается традиционно «личность преступника» (которой, правда, в принципе не существует; «в криминологии... нужно окончательно, категорически отказаться от учения о личности преступника» [18, с. 239]).

Уточняется, в очередной раз, что многие авторитетные ученые (Ю. Д. Блувштейн, И. И. Карпец, А. З. Рыбак, А. М. Яковлев) отрицают существование особой «личности преступника» [5, с. 31]. В качестве аргументации данной точки зрения профессор Я. И. Гишинский говорит следующее. Во-первых, уголовное законодательство (уголовный закон) каждой страны разнообразно и изменчиво. *Изменчиво в силу объективных и субъективных «законов» исторической изменчивости любых явлений природы и общества.* Во-вторых, автор уточняет, что никто и никогда не назвал ни одного личностного свойства, признака, качества, присущего только преступнику. В-третьих, и Я. И. Гишинский выделяет это в качестве главного аргумента, согласно букве действующего уголовного закона, все или почти все взрослые граждане совершали в своей жизни то, что в уголовном законе именуется «преступлением». Значит, все – «личности преступника»? И существуют ли тогда «личности неправошителя» и кто это такие? [5, с. 32]

Несомненно, что данные рассуждения не лишены основания и, возможно, с концептуальных позиций криминологии постмодерна (неокриминологии) они достаточно аргументированы. Однако позволим себе высказать мнение о том, что, во-первых, бесспорным является то, что уголовный закон разных стран объективно разнообразен. Разнообразен, исходя из исторических, социокультурных, экономических, географических, религиозных, идеологических и других особенностей, обычаев, традиций, укладов того или иного государства (социума). Уголовный закон исторически изменчив. И то, что вчера признавалось преступным, сегодня (в силу разных причин) может таковым не признаваться. В этом контексте, говоря о «параметрах» личности преступника, нужно вести речь только о ее уголовно-правовой характеристике. То есть об оценке со стороны общества и государства здесь и сейчас¹. Во-вторых, представляется вполне закономерным, что никто и никогда (на серьезном, научно обоснованном уровне) и не предпринимает попыток назвать какое-либо личностное свойство, признак, качество, присущие только преступнику. Позволим себе категоричное – их нет. В-третьих, и в классической криминологии практически никто и не ставит вопрос о, например, противопоставлении ка-

тегорий «личность преступника» и «личность неправошителя».

Здесь мы в очередной раз подчеркнем, что категория «личность преступника», во-первых, представляет свою значимость с точки зрения закономерностей ее формирования и оценки возможных динамических трансформаций этих закономерностей. Во-вторых, позволим себе констатировать и тот факт, что данная категория – «личность преступника» – это устоявшаяся терминологическая составляющая классической криминологии, «рабочий» термин, который используется уже достаточно давно и в рамках исследований, и в рамках образовательного процесса².

Теперь, после определения, что, несмотря на концептуальную составляющую криминологии постмодерна (неокриминологии), когда речь идет о категории «личность преступника», в первую (и главную!) очередь фокус внимания должен быть сосредоточен на выявлении и изучении закономерностей формирования личности тех, кто совершает преступления, представляется возможным перейти к анализу личности несовершеннолетнего преступника, ее возможной трансформации, в том числе в эпоху постмодерна.

Несовершеннолетний преступник – это весьма специфический субъект общественных отношений в целом и уголовно-правовых в частности. Более того, личность несовершеннолетнего преступника, на наш взгляд, одна из наиболее (если условно можно выстраивать какую-либо иерархическую составляющую) значимых криминологических категорий. Ее значимость подтверждается тем, что преступность несовершеннолетних – это одновременно и настоящее и будущее всей преступности. Не подвергая сомнению значимость изучения иных форм, видов преступности, особенностей личностных характеристик (закономерностей их формирования) преступников-рецидивистов, организованных и профессиональных преступников, домашних (и не только) насильников и т. д., подчеркнем следующее. Многочисленные исследования в области изучения преступности демонстрируют тот факт, что значительная (подчас весьма внушительная) часть условно взрослых преступников впервые с уголовным законом встретилась именно в не-

¹ В настоящей работе мы не будем углубляться в рассмотрение этих вопросов. Поскольку данная проблематика, затрагивая сложные вопросы уголовной политики, оценки общественной опасности преступления, криминализации и декриминализации деяний и т. д., заслуживает самостоятельного рассмотрения.

² Данное утверждение отнюдь не снижает необходимости гносеологического оптимизма при проведении дальнейших исследований в рассматриваемой сфере.

совершеннолетнем возрасте¹. Отсюда вполне логичной является необходимость более пристального внимания к вопросам организации и реализации предупредительной работы на ее разных уровнях и стадиях и в отношении преступности несовершеннолетних, и в отношении несовершеннолетних преступников, включая общесоциальное и специальное предупреждение, раннюю и непосредственную профилактику, профилактику рецидива и т. д.

Здесь мы полностью согласны с тем, что в целях профилактики обществу всегда будет необходим портрет среднестатистического преступника, который помогает установить, какие свойства личности и в какой степени были включены в механизм преступного поведения. Это означает, что выделение в качестве самостоятельного предмета криминологических исследований социальных свойств преступников объективно необходимо [14, с. 8].

Если говорить о личности несовершеннолетнего преступника, в первую очередь внимание должно быть обращено не на поиск существенных отличий (которых априори не может быть) между личностью несовершеннолетнего преступника и личностью законопослушного несовершеннолетнего. Внимание должно быть акцентировано на выявлении и изучении закономерностей формирования личности несовершеннолетнего (подростка, ребенка и т. п.) преступника. При этом вновь подчеркнем, что на индивидуальном уровне эти закономерности весьма сложно определить. В свою очередь, на уровне групповом (если брать в качестве критерия группы возраст, например 14–15 и 16–17 лет) и уровне массовом (если в целом анализировать преступность несовершеннолетних) эти закономерности становятся весьма очевидными.

Учет результатов многочисленных исследований в области преступности несовершеннолетних, результаты исследований автора, ана-

¹ Здесь мы можем быть подвергнуты определенной критике. Критике, которая связана с учетом/неучетом того или иного вида (формы) преступности. То есть «первая встреча с уголовным законом» того или иного преступника зависит в том числе от вида (формы) преступности. Вполне закономерно, что представители так называемой беловоротничковой преступности или преступности коррупционной столкнулись с уголовным законом, будучи уже формально взрослыми, с определенным набором дополнительных «опций», необходимых для совершения, например, должностных преступлений. Однако здесь мы говорим о так называемой общеуголовной преступности. Преступности, как реально, так и статистически традиционно имеющей больший удельный вес в общей структуре преступности. Преступности, которая по своим последствиям (вредоносности) представляет, на наш взгляд, крайне повышенную общественную опасность как для личности, так и для общества и государства.

лиз статистических данных, демонстрирующих характеристику осужденных, совершивших преступления в возрасте 14–17 лет, позволяют прийти к выводу о том, что, исходя из базовых критериев, составляющих среднестатистический портрет несовершеннолетнего преступника (пол, возраст, наличие/отсутствие семьи, род занятий на момент совершения преступления и т. д.), этот среднестатистический портрет не претерпевает каких-либо серьезных изменений на протяжении уже многих лет.

Отметим, что в последние как минимум 20 лет² не произошло никаких трансформаций в половой структуре преступности несовершеннолетних. Представленность лиц мужского пола как доминировала, так и продолжает доминировать. Так, например, в 2003 г. из 96 809 осужденных лиц в возрасте 14–17 лет, 90 430 (93,4 %) человек – это лица мужского пола, 6379 (6,6 %) – лица женского пола; в 2023 г. из 12 769 осужденных 11 596 (90,8 %) – лица мужского пола и 1173 (9,2 %) – лица женского пола³.

В структуре преступности несовершеннолетних не меняется и соотношение возрастных групп. Традиционно количественно доминируют представители старшей возрастной группы (16–17 лет). В 2003 г. из 96 809 осужденных 64 456 (66,6 %) – лица в возрасте 16–17 лет и 32 353 (33,4 %) – в возрасте 14–15 лет; в 2023 г. из 12 769 осужденных 9016 (70,6 %) – лица в возрасте 16–17 лет и 3753 (29,4 %) – в возрасте 14–15 лет.

Несмотря на то что положение о том, что семья (ее наличие) выступает антикриминальным фактором, подчас подвергается критике, на наш взгляд, это положение является бесспорным. Здесь в первую очередь акцентируется внимание не на факте наличия семьи (например, полная семья, семья с высоким уровнем материального обеспечения и т. п.). Речь идет о наличии семьи в ее понимании как института первичной социализации человека, семьи, где присутствует «хороший климат» во взаимоотношениях, культивируется преемственность традиций и обычаев, уделяется должное взаимное внимание, проявляются забота, уважение и

² В настоящей работе мы не ставим задачи рассмотрения динамических изменений за все годы указанного временного периода с использованием «цепного способа», поскольку все основные указываемые в работе параметры не подвержены серьезной статистической изменчивости, демонстрируя наличие определенных закономерностей. В связи с этим предложен формат рассмотрения показателей «стартового» года рассматриваемого периода (2003 г.) и показателей «финального» года этого же периода (2023 г.).

³ Здесь и далее используются данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://cdep.ru>.

т. д. Когда мы говорим о несовершеннолетних, то, исходя из их возрастных особенностей, внимание уделяется так называемой родительской семье. Данные судебной статистики демонстрируют следующее.

В 2003 г. из 96 809 осужденных 45 567 (47,1 %) несовершеннолетних воспитывались в полной семье, 43 035 (44,5 %) – в семье с одним родителем, 8207 (8,5 %) – вне семьи (детском доме, интернате и т.д.). В 2023 г. из 12 769 осужденных 6235 (48,8 %) несовершеннолетних воспитывались в полной семье, 5539 (43,4 %) – в семье с одним родителем, 995 (7,8 %) – вне семьи (детском доме, интернате и т. д.).

Еще раз подчеркнем. Указанные статистические показатели демонстрируют (в очередной раз подтверждают), что институт семьи, в нашем случае – родительской, претерпел серьезные негативные, деструктивные деформации. Как мы видим, и в 2003 г., и в 2023 г. большая часть несовершеннолетних (и в абсолютных, и в относительных показателях) на момент совершения преступления (момент осуждения) воспитывались в формально полных семьях. Семья как институт первичной социализации не справляется с задачами позитивного формирования, воспитания детей (в нашем случае несовершеннолетних преступников), не выступает антикриминогенным фактором. Нужно отметить, что в общесоциальном смысле эта проблема находит свое подтверждение, в частности, в предпринимаемой государством в последние годы активизации мер по позиционированию значимости семьи, ее поддержки, расширения мер по защите материнства и детства и т. д.¹

Немаловажное значение при характеристике личности преступника и личности несовершеннолетнего преступника имеет анализ отношения к своему ведущему (в силу возраста) виду деятельности, каковым (исходя из общепринятого подхода, требований законодательства и т. д.) является обучение. В этом контексте можно отметить, что в 2003 г. из 96 809 осужденных 51 035 (52,7 %) являлись учащимися и 9146 (9,4 %) работающими несовершеннолетними. Из этого же числа 35 770 (36,9 %) несовершеннолетних на момент совершения преступления (осуждения) относились к категории неучащихся и неработающих. Показатели 2023 г. выглядят

следующим образом. Из 12 769 осужденных несовершеннолетних на момент совершения преступления (осуждения) находились в статусе учащихся 8105 (63,5 %), в статусе работающих 601 (4,7 %), в статусе неучащихся и неработающих 4048 (31,7 %) несовершеннолетних.

Особого внимания заслуживает анализ результативности уголовно-правового воздействия на осужденных. Речь идет о фактическом (выявленном) рецидиве преступлений, совершенных несовершеннолетними. Отметим, что и здесь наблюдается вполне статичная картина. Так, например, в 2003 г. из 96 809 осужденных несовершеннолетних 14 070 (14,5 %) имели (на момент совершения преступления) неснятую и непогашенную судимость. В 2023 г. из 12 769 осужденных несовершеннолетних имели (на момент совершения преступления) неснятую и непогашенную судимость 2267 (17,8 %) человек.

В рамках настоящей работы представляется допустимым акцентировать внимание еще на одной составляющей анализа личности несовершеннолетнего преступника, в том числе в криминологии постмодерна (неокриминологии). На основе многолетнего изучения личности несовершеннолетнего преступника нужно отметить, что не трансформировалась хоть сколько-то серьезно и система потребностей. Да и сами потребности, интересы подростков не претерпели каких-либо кардинальных изменений. Разделяя в определенной степени позицию А. Маслоу, отметим, что ведущей для несовершеннолетних как с позиции «пирамиды» потребностей, так и с позиции актуализации потребностей выступает потребность в признании, самоутверждении и т. д. Несовершеннолетние (читай – дети) также испытывают актуальную для них потребность в социальном общении, дружбе, заботе, любви. То есть с точки зрения потребностной сферы современный несовершеннолетний, в том числе и формально несовершеннолетний, преступник остается тем же ребенком, что и многие десятилетия и столетия назад. Конечно же, объективные (научно-технический прогресс человечества, внешние и внутренние социальные катаклизмы и т. д.) и субъективные факторы (процессы и результаты, например, аномии социальных межличностных отношений и т. д.) существенно влияют на поведенческие реакции подростков, в том числе и формально преступные. Однако сами «глубинные» детерминанты поведения несовершеннолетних (подростков, детей) – ведущие потребности – остаются неизменными. Упомянутый и, несомненно, уважа-

¹ См., например: Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года. URL: <http://government.ru/docs/all/92699/>; Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации до 2030 года и на перспективу до 2036 года. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_36589.

емый нами идеолог криминологии постмодерна (неокриминологии) Я. И. Гилинский отмечает, что «основные субъекты “уличной преступности” – подростки и молодежь, которые в последние десятилетия “ушли” в виртуальный мир интернета. Там они встречаются, любят, дружат, ненавидят, “убивают” (так называемые стрелялки), совершают мошеннические действия и т. п., удовлетворяя – осознанно или нет – неизбывную потребность в самоутверждении, самореализации» [4, с. 204]. А это – закономерность.

В целом говоря о личности несовершеннолетнего преступника в современной социальной действительности, хотелось бы отметить следующее. По нашему убеждению, по основным «параметрам» личность несовершеннолетнего преступника не претерпела каких-либо серьезных трансформаций. Трансформаций с учетом того, что, как уже отмечалось, мы ведем речь о закономерностях ее формирования. Несомненно, что наблюдаются объективно и субъективно обусловленные изменения. Например, в уголовно-правовой характеристике. Но ведь эта составляющая анализа личности напрямую зависит от воли государства. Государства, которое расширяет или сужает объем уголовной репрессии посредством, например, криминализации и декриминализации деяний или изменением возрастных критериев привлечения к уголовной ответственности и т. п. Кроме того, существенное значение при анализе среднестатистического портрета личности имеет и правоприменительная практика, которая подчас чутко улавливает посылы государства и общества. В этой связи в очередной раз хотелось бы акцентировать внимание на необходимости четкого и обоснованного определения векторов уголовной политики в отношении несовершеннолетних, совершающих преступления. Ведь, в определенной мере, речь идет о сбережении будущего нации.

Также мы разделяем позицию известных криминологов о том, что исследовательский инструментарий в изучении личности должен постоянно дополняться. Внимание в том числе должно быть акцентировано не только на сложившихся алгоритмах изучения рассматриваемой криминологической категории. Должны заслуживать большего научного интереса, например, так называемые внутренние, биологические, генетические особенности лиц, признанных виновными в совершении преступления.

Личность преступника и личность несовершеннолетнего преступника должны находить-

ся в призме постоянного внимания со стороны криминологической (да и не только) доктрины. И это объясняется в первую очередь тем, что именно человек [20, с. 553], его личность, а не, например, субъект права (субъект уголовной ответственности, осужденный и т. п.) в подавляющем большинстве случаев является носителем преступного поведения, его формирования и реализации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонян Ю. М. Отчуждение личности как причина преступности // Общество и право. 2022. № 2. С. 8–21.
2. Антонян Ю. М., Эминов В. Е. Личность преступника: криминологическое исследование. М.: Норма: Инфра-М, 2010. 366 с.
3. Босхолов С. С. Криминология: Общая часть: учебник. Иркутск: Издат. дом БГУ, 2024. 214 с.
4. Гилинский Я. И. Девиантность, преступность, социальный контроль в обществе постмодерна: сб. ст. СПб.: Алетейя, 2017. 280 с.
5. Гилинский Я. И. Криминология постмодерна (неокриминология). СПб.: Алетейя, 2021. 132 с.
6. Гилинский Я. И. Криминология постмодерна: о преступлении и наказании // Социологические исследования. 2022. № 4. С. 76–84.
7. Долгова А. И. Социально-психологические аспекты преступности несовершеннолетних. М.: Юрид. лит., 1981. 159 с.
8. Корецкий Д. А. О личности преступника в теории и практике // Уральский журнал правовых исследований. 2023. № 3. С. 3–20.
9. Корецкий Д. А., Халява О. В. Личность преступника: терминологические и сущностные проблемы // Уральский журнал правовых исследований. 2022. № 3. С. 36–42.
10. Криминология: учеб. для юрид. фак. и ин-тов / отв. ред. Герцензон А., Звирбуль В. К., Зотов Б. Л. [и др.]. М.: Юрид. лит., 1968. 138 с.
11. Криминология: учебник для вузов / под ред. А. И. Долговой. М.: Норма-Инфра-М, 2003. 912 с.
12. Прокументов Л. М. Групповая преступность несовершеннолетних и ее предупреждение. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1993. 142 с.
13. Прокументов Л. М., Шеслер А. В. Криминологические основания утяжеления наказания за совершение преступления группой лиц // Материалы X Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 26–27 мая 2016 г. М., 2016. С. 321–324.
14. Прокументов Л. М., Шеслер А. В. Криминология (Общая часть): учеб. пособие. Томск: Издат. дом Том. гос. ун-та, 2017. 284 с.
15. Резник Г. М. Криминологическая профилактика и социальное планирование // Вопросы борьбы с преступностью. 1979. № 31. С. 29–35.
16. Резник Г. М. Личность преступника: правовое и криминологическое содержание // Личность преступника и уголовная ответственность. Правовые и криминологические вопросы. 1979. № 1. С. 30–42.
17. Репецкая А. Л., Рыбальская В. Я. Криминология: Общ. ч.: учеб. пособие / – Иркутск: ИГЭА, 1999. 240 с.
18. Рыбак А. З. Криминология в человеческом измерении. М.: Юрлитинформ, 2020. 294 с.
19. Сахаров А. В. О личности преступника и причинах преступности. М.: Госюриздат, 1981. 281 с.
20. Шиенок В. П. Криминология vs неокриминология: о сути вопроса с позиций гуманистической методологии юриспруденции // Всероссийский криминологический журнал. 2024. Т. 18, № 6. С. 549–555.

REFERENCES

1. Antonyan Yu.M. Otchuzhdenie lichnosti kak prichina prestupnosti [Alienation of personality as a cause of crime]. *Obshchestvo i pravo* [Society and Law], 2022, no. 2, pp. 8-21. (in Russian)
2. Antonyan Yu.M., Eminov V.E. *Lichnost prestupnika: kriminologo-psikhologicheskoe issledovanie* [The personality of the criminal: criminological and psychological research]. Moscow, Norma Publ., Infra-M Publ., 2010, 366 p. (in Russian)
3. Boskholov S.S. *Kriminologiya: Obshchaya chast* [Criminology: General part]. Textbook. Irkutsk, BGU Publ., 2024, 214 p. (in Russian)
4. Gilinskii Ya.I. *Deviantnost, prestupnost, sotsialnyi kontrol v obshchestve postmoderna* [Deviance, crime, social control in post-modern society]. Collection of articles. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 2017, 280 p. (in Russian)
5. Gilinskii Ya.I. *Kriminologiya postmoderna (neokriminologiya)* [Criminology of postmodernism (neocriminology)]. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 2021. 132 p. (in Russian)
6. Gilinskii Ya.I. *Kriminologiya postmoderna: o prestuplenii i nakazanii* [Criminology of postmodernism: on crime and punishment]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2022, no. 4, pp. 76-84. (in Russian)
7. Dolgova A.I. *Sotsialno-psikhologicheskie aspekty prestupnosti nesovershennoletnikh* [Socio-psychological aspects of juvenile delinquency]. Moscow, Legal literature Publ., 1981, 159 p. (in Russian)
8. Koretskii D.A. *O lichnosti prestupnika v teorii i praktike* [On the personality of the criminal in theory and practice]. *Uralskii zhurnal pravovykh issledovaniy* [Ural Journal of Legal Studies], 2023, no. 3, pp. 3-20. (in Russian)
9. Koretskii D.A., Khalyava O.V. *Lichnost prestupnika: terminologicheskie i sushchnostnye problemy* [The personality of the criminal: terminological and essential problems]. *Uralskii zhurnal pravovykh issledovaniy* [Ural Journal of Legal Studies], 2022, no. 3, pp. 36-42. (in Russian)
10. *Kriminologiya* [Criminology]. Ed. by A.I. Dolgova. Moscow, Norma-Infra-M Publ., 2003, 912 p. (in Russian)
11. *Kriminologiya* [Criminology]. Textbook for law faculties and institutes. Eds. A. Gertsenzon, V.K. Zvirbul, B.L. Zotov et al. Moscow, Yurid. lit. Publ., 1968, 138 p. (in Russian)
12. Prozumentov L.M. *Gruppovaya prestupnost nesovershennoletnikh i ee preduprezhdenie* [Group crime of minors and its prevention]. Tomsk, Tosk Univ. Publ., 1993, 142 p. (in Russian)
13. Prozumentov L.M., Shesler A.V. *Kriminologicheskie osnovaniya utyazheleniya nakazaniya za sovershenie prestupleniya gruppoy lits* [Criminological grounds for aggravating punishment for committing a crime by a group of persons]. *Materialy X Rossiiskogo kongressa ugovornogo prava, sostoyavshegosya 26–27 maya 2016 g.* [Materials of the X Russian Congress of Criminal Law, held on May 26–27, 2016]. Moscow, 2016, pp. 321-324. (in Russian)
14. Prozumentov L.M., Shesler A.V. *Kriminologiya (Obshchaya chast)* [Criminology: General part]. Textbook. Tomsk, Tomsk St. Univ. Publ., 2017, 284 p. (in Russian)
15. Reznik G.M. *Lichnost prestupnika: pravovoe i kriminologicheskoe sodержanie* [The personality of the criminal: legal and criminological content]. *Lichnost prestupnika i ugovornaya otvetstvennost. Pravovye i kriminologicheskie voprosy* [The Personality of the Criminal and Criminal Responsibility. Legal and Criminological Issues], 1979, no. 1, pp. 30-42. (in Russian)
16. Reznik G.M. *Kriminologicheskaya profilaktika i sotsialnoe planirovanie* [Criminological prevention and social planning]. *Voprosy borby s prestupnost'yu* [Issues of Crime Control], 1979, no. 31, pp. 29-35. (in Russian)
17. Repetskaya A.L., Rybalskaya V.Ya. *Kriminologiya: Obshch. ch.* [Criminology: General part]. Textbook. Irkutsk, IGEA Publ., 1999, 240 p. (in Russian)
18. Rybak A.Z. *Kriminologiya v chelovecheskom izmerenii* [Criminology in human dimension]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2020, 294 p. (in Russian)
19. Sakharov A.V. *O Lichnosti prestupnika i prichinakh prestupnosti* [On the personality of the criminal and the causes of crime]. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1981, 281 p. (in Russian)
20. Shienok V.P. *Kriminologiya vs neokriminologiya: o suti voprosa s pozitsii gumanisticheskoi metodologii yurisprudentsii* [Criminology vs neocriminology: on the essence of the issue from the standpoint of the humanistic methodology of jurisprudence]. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal* [All-Russian Criminological Journal], 2024, vol. 18, no. 6, pp. 549-555. (in Russian)

Статья поступила в редакцию 18.12.2024; одобрена после рецензирования 25.01.2025; принята к публикации 29.01.2025

Received on 18.12.2024; approved on 25.01.2025; accepted for publication on 29.01.2025

Сутурин Михаил Александрович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии, Байкальский государственный университет (Россия, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11); Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия (Россия, 664074, г. Иркутск, ул. Ивана Франко, 23а), ORCID: 0000-0001-5152-4566, РИНЦ Author ID: 506131, e-mail: mialsu@yandex.ru

Suturin Mikhail Alexandrovich – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology, Baikal State University (11, Lenin st., Irkutsk, 664003, Russian Federation); East Siberian Branch of the Russian State University of Justice (23, Ivan Franko st., Irkutsk, 664074, Russian Federation), ORCID: 0000-0001-5152-4566, RSCI Author ID: 506131, e-mail: mialsu@yandex.ru